

Выдающийся мастер театра и кино, лауреат Ленинской и Государственных премий СССР, народный артист СССР Николай Дмитриевич Мордвинов, восьмидесятилетие со дня рождения которого отмечается в эти дни, вошел в историю советского искусства как создатель ярких героических и трагедийных образов, отмеченных высокой гражданственностью, истинным вдохновением, глубиной чувств и мысли, получивших широкое народное признание. Среди наиболее крупных работ актера — Отелло, король Лир, рабочий

Забродин из «Ленинградского проспекта» И. Штока на сцене Академического театра имени Моссовета, Богдан Хмельницкий, Котовский на экране и, конечно, незабываемый Арбенин в театре и кино.

Многие годы Н. Д. Мордвинов, внимательно и заинтересованно следя за жизнью нашего искусства, систематически записывал свои мысли и впечатления, вел дневники. Мы публикуем сегодня фрагменты из записок актера, относящихся к 1953 году.

ХУДОЖНИК-ГРАЖДАНИН

...Сейчас через простую информацию в газете, через опубликование факта народ о своем герое зачастую знает больше, чем через образ в искусстве.

А как беспредельно много можно сказать о людях, вообразивших в себя всю культуру человечества и сумевших обобщить постигнутое, сделать выводы, облечь выводы в стройную систему, в учение, которое теперь так или иначе вдохновляет большую часть человечества, повергая реакцию в бешенство и страх...

Я хочу играть коммуниста.

Я хочу играть деятеля, умницу, сердечного, честного, любящего, гневающегося, радостного человека, человека своего слова, человека, которому «ничто человеческое не чуждо» (Маркс).

Я хочу, чтобы зал верил мне «на слово», не под вексель, не сидел бы отчужденным наблюдателем происходящего, а переставал бы помнить, что он в театре, кино, что он смотрит спектакль, пьесу, артиста, волновался бы как за судьбу близкого ему человека, попавшего в беду или одерживающего победу, старался бы ему по-

мочь, узнавал бы в нем себя, другого.

Жизнь стремится вперед.

Она ставит нам все более сложные и тонкие задачи, предъявляет все более высокие требования.

Жизнь нас обгоняет.

Но мы, не успев ответить на основные требования, создаем себе дополнительные трудности вроде измышлений о противоестественной, бесконфликтной драматургии или, наоборот, встречаясь с требованиями дать герою возможность ошибиться, сделать неверный шаг, вывод.

Пусть герой и ошибается,

пусть сделает неверный шаг и вывод, пусть что-то протекает в его жизни без конфликта, основное — это «жизнь человеческого духа» во всем ее многообразии, сложности, перипетиях, в делах большого общественного значения, с трудностями и радостями, с личным в общественном, с общественным в личном, ибо у нас жизнь общественная и личная переплетены так, что неразличимы одна в другой.

Каждая моя роль имеет свою историю, упорным поиском установленную или рожденную быстро и по наитию, свое трудное или легкое. Каждая переживает свое

рождение, становление, развитие... Я сживаюсь с ними и не люблю расставаться, пытаюсь найти в них еще непонятое. Я люблю играть роли много-много раз. Поэтому хочется, чтобы задачи ставились перед артистами труднейшие, не в том смысле, чтобы из ничего сделать все, а в том, чтобы поручить артисту такой материал, с которым он, как с умным, сердечным другом, не хотел бы расстаться никогда.

Мне хочется играть мое сегодняшнее активное отношение к новому, сегодняшнему и моему — нашу мечту о будущем.

Наша советская литература дала великолепные образцы того, как должен быть запечатлен передовой человек нашего общества.

В нашей драматургии удач в этом смысле меньше.

Действующий в жизни прототип образа на сцене часто оказывается бездействующим, поучающим, изрекающим давно и всем

известные истины, открывающим знакомое как новое, направляющим других, как железнодорожные стрелки направляют вагоны, сами в этом движении не участвуя. Человеку даются лишь признаки дела, признаки характера, признаки раздумья, дается видимость необходимости что-то решать, когда зритель уже решил и знает ре-

зультат решения, то есть артисту и зрителю в этом случае не дается возможности ни чувствовать, ни познавать.

Еще Леонардо да Винчи предостерегал, что «художник, который рисует так, как видит глаз, без участия разума, напоминает зеркало, которое отображает любой поставленный перед ним предмет, не познавая его».